

РОБЕРТ КОЛКЕР

.....

Что-то не так с Гэлвинами

идеальная семья,
разрушенная безумием

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2024

УДК 316.6
ББК 88.5
К60

Robert Kolker
HIDDEN VALLEY ROAD

Copyright © 2020 by Robert Kolker
All rights reserved. Published in the United States by Doubleday,
a division of Penguin Random House LLC, New York.

Научный редактор: *А. Г. Жиляев*,
врач-психиатр, д.м.н., профессор.

Колкер, Роберт.

К60 Что-то не так с Гэлвинами. Идеальная семья, разрушенная безумием / Роберт Колкер ; [перевод с английского А. С. Богданова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. — (Бомбора Story. Лучшее в почете).

ISBN 978-5-04-198846-3

Гэлвины казались образцовой американской семьей. Отец — военный, мать — домохозяйка, оба активно участвуют в общественной и светской жизни штата и страны. Двенадцать детей — десять мальчиков и две девочки — гордость семьи, они талантливы и подают большие надежды. Внезапно старшему сыну, успешному студенту университета, ставят диагноз «шизофрения». В течение нескольких лет еще у пятерых сыновей Гэлвинов обнаруживается это серьезное заболевание. Дальше начинается ад: оказывается, за идеальным фасадом скрывалась далеко не идеальная жизнь: физическое и сексуальное насилие, абьюз, наркотики — но родители, Дон и Мими, до последнего закрывали глаза на происходящее. Все это неминуемо приводит к трагичным последствиям и разобщению членов семьи.

На протяжении нескольких десятилетий ученые, психиатры и генетики бьются над загадкой семьи Гэлвинов, выдвигая самые разные гипотезы. Но удастся ли им найти ответ и подарить надежду миллионам людей?

УДК 316.6
ББК 88.5

© Богданов С. М., перевод
на русский язык, 2021

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198846-3

Посвящается Джуди и Джону

Самый очевидный способ
выказывать долготерпение —
жить с родителями.

Энн Тайлер

ПРОЛОГ

1972

Колорадо-Спрингс, штат Колорадо

Из больших стеклянных дверей кухни на задний дворик родного дома выходят брат и сестра. Они странная пара. Дональду Гэлвину двадцать семь, его голова выбрита наголо, глаза посажены глубоко, а на подбородке заметно подобие неухоженной бороденки на манер библейского пророка. Мэри Гэлвин семь, она вполовину ниже ростом, у нее пепельно-белые волосы и нос пуговкой.

Поля и леса долины Вудмен, где живет семья Гэлвин, уютно расположились в окружении крутых гор и песчаниковых холмов центральной части штата Колорадо. Воздух на участке пропитан ароматом дикой хвои. На альпийской горке рядом с террасой стоит построенный отцом семейства вольер. В нем уже несколько лет гордо восседает домашний ястреб-тетеревятник по кличке Атолл, которому не дают покоя шныряющие вокруг овсянки и сойки. Девочка шагает впереди. Миновав вольер, сестра и брат взбираются на невысокий холм по хорошо знакомой тропке из замшелых булыжников.

Дональд — самый старший, а Мэри — младшая из двенадцати детей семьи Гэлвин. Как любит пошутить их отец, хоть футбольную команду создавай. У всех остальных братьев и сестер находятся поводы держаться от Дональда подальше. Те, кто повзрослее, уже живут отдельно, а младшие убегают играть в хоккей, бейсбол или футбол. Сестра Мэри Маргарет — вторая девочка в семье и самая близкая к ней по возрасту — скорее всего, ушла к кому-то из соседских детей, к Скаркам или к Шоптохам. Но второкласснице Мэри обычно некуда пойти после школы, кроме как домой, а там за ней может присмотреть только Дональд.

Все в брате приводит Мэри в замешательство, взять хотя бы его бритую наголо голову и излюбленный наряд — красновато-коричневую простыню, которой он оборачивается на монашеский манер. Порой этот костюм дополняют пластмассовый лук со стрелами, некогда служивший игрушкой его младшим братьям. В этом облачении Дональд днями напролет разгуливает по окрестностям при любой погоде: по их немощенной улице Хидден-Вэлли, мимо женской обители и молочной фермы, по обочинам шоссе и разделительным полосам дорог. Нередко он останавливается у Академии ВВС США, в которой когда-то служил его отец, а теперь большинство знакомых делают вид, что не знают его. У игровой площадки местной начальной школы Дональд застывает и начинает тихим голосом напевать детям песенку на ирландский мотив, сообщающую, что он — их новый учитель. Прекращает он только в ответ на требования директора убираться прочь. Больше всего второклассницу Мэри огорчает то, что всем, кого она только знает в этом мире, известно: Дональд — ее брат.

Мать Мэри уже давно привыкла отшучиваться и вести себя так, будто все в порядке вещей. Лучше бы она признала, что вообще не владеет ситуацией — не понимает происходящего в ее доме, и уж тем более не в состоянии это прекратить. Что же касается самой Мэри, то у нее нет иного выбора, кроме как вообще не реагировать на Дональда. Она замечает, насколько внимание родителей приковано к тревожным проявлениям у всех ее братьев: Питер демонстрирует неповиновение, у Брайана какие-то дела с наркотиками, Ричарда то и дело отстраняют от занятий в школе, Джим постоянно ввязывается в драки, Майкл совершенно отбилсЯ от рук. Мэри понимает: жаловаться, плакать или выказывать любые эмоции — значит дать родителям сигнал, что и с ней что-то не так.

Вообще говоря, дни, когда Мэри видит Дональда в этой его простыне, — далеко не самые неудачные. Иногда, вернувшись из школы, она застаёт старшего брата за занятиями, смысл которых понятен лишь ему одному. Например, он может перетаскивать всю домашнюю мебель на задний двор, травить аквариумных рыбок поваренной солью или засесть в туалете и вызывать у себя рвоту, чтобы вышли прописанные ему таблетки: трифтазин, аминазин, галоперидол, флуфеназин, циклодол. Иногда он молча сидит в гостиной в чем мать родила. Иногда в доме появляются полицейские, которых вызвала мать для подавления очередной стычки между Дональдом и братьями.

Однако по большей части Дональд полностью захвачен религией. Объясняя это тем, что святой Игнатий присудил ему некую «степень в духовных упражнениях и богословии», он целыми днями, а часто и ночами, громко декламирует Апостольский Символ веры, «Отче наш» и изобретенный им самим список «Святого ордена духовенства», состав которого известен только ему. *Deo Optimo Maximo, Бенедиктинцы, Иезуиты, Конгрегация Сестер Святейшего Сердца, Непорочное Зачатие, Дева Мария, Непорочная Мария, Облаты Священного Ордена, Семья Май, Доминиканцы, Святой Дух, Монахи-францисканцы, Единая Святая Соборная, Апостолики, Трапписты....*

Для Мэри эти молитвы — как вечно капающий водопроводный кран. «Прекрати!» — кричит она, но Дональд не прекращает и останавливается, только чтобы перевести дух. В том, что он вытворяет, Мэри видится упрек в адрес всей их семьи, и в первую очередь отца, глубоко верующего католика. Она боготворит своего отца. Так же относятся к нему и все другие дети Гэлвинов, и даже Дональд — до того, как заболел. Мэри завидует, что отец может вот так запросто уходить из дому и возвращаться

по собственному усмотрению. Она думает, что ему должно быть приятно ощущать себя хозяином, который трудится не покладая рук, чтобы зарабатывать достаточно.

Самым невыносимым для Мэри является то, насколько иначе относится к ней брат по сравнению со всеми другими. Он вовсе не жесток с ней, а, напротив, добр и даже нежен. Ее полное имя — Мэри Кристина, поэтому Дональд решил, что она — Дева Мария, Мать Христова. «Я — *не Она!*» — рыдает Мэри каждый раз. Ей кажется, что ее дразнят. К попыткам кого-то из братьев выставить ее на посмеище Мэри не привыкать. Но неподдельная серьезность и трепетное благоговение Дональда злят ее куда больше. Он сделал Мэри объектом своих восторженных молитв и таким образом затягивает в свой мир, находиться в котором ей совершенно не хочется.

Непосредственным проявлением злости, которую испытывает Мэри, стало то, как она задумала решить проблему с Дональдом. Мысль, которая пришла ей в голову, навеяна монументальными драмами на античные и библейские сюжеты, которые время от времени смотрит по телевизору мать. Для начала Мэри предлагает Дональду: «Пойдем сходим на холм». Он согласен — для Святой Девы все что угодно. «Давай возьмем веревку» — говорит она. Дональд так и делает. В конце концов они взбираются на вершину холма, там Мэри выбирает одну из высоких сосен и сообщает брату, что хочет привязать его к ней. «Давай», — говорит Дональд и вручает ей веревку.

Даже если бы Мэри сейчас сообщила Дональду о своем плане сжечь его у позорного столба как еретика из кино, вряд ли он отреагировал бы на это. Дональд истово молится, стоит, тесно прижавшись к стволу дерева, полностью погруженный в поток своих слов, а Мэри ходит вокруг, приматывая его веревкой до тех пор, пока не будет уверена, что высвободиться ему не удастся. Дональд не сопротивляется.

Она убеждает себя, что никто его не хватится, а заподозрить в чем-то ее никому и в голову не придет. Девочка отправляется за хворостом, приносит несколько охапок валежника и сваливает ему под ноги.

Дональд готов ко всему. Если Мэри действительно та, кем является по его убеждению, то к чему ей отказывать. Он спокоен, терпелив и послушен. Он обожает ее.

Но сегодня Мэри настроена серьезно лишь до определенного момента. У нее нет спичек, поэтому разжечь огонь не получится. Еще важнее, что она не такая, как брат. Она живет на земле и мыслит реальными категориями. По крайней мере, Мэри решает доказать, что это так. В первую очередь себе, а не матери.

И она отказывается от своего плана. Мэри оставляет Дональда связанным и уходит с холма. Он будет молиться в окружении деревьев, цветов и мошкары и останется там очень надолго. Достаточно надолго, чтобы дать Мэри передышку, но не навсегда.

Сейчас при мысли об этом она натянуто улыбается. «Мы с Маргарет смеялись. Не уверена, что другим это вообще показалось бы смешным».

Морозным зимним вечером 2017 года, когда с того дня на холме минуло сорок пять лет (можно считать — целая вечность), женщина, некогда носившая имя Мэри Гэлвин, останавливает свой джип на парковке интерната Пойнт-Пайнс в Колорадо-Спрингс и идет навещать брата, которого когда-то хотела сжечь заживо. Ей за пятьдесят, однако ее взгляд сохранил детскую живость. Теперь ее имя Линдси. Она решила сменить имя сразу же после отъезда из родительского дома — решительная попытка юной девушки порвать с прошлым и стать новым человеком.

Линдси живет в шести часах езды отсюда, неподалеку от горного курорта Теллурайд в штате Колорадо. У нее

собственная компания по организации корпоративных мероприятий, и она, как и ее отец, трудится не покладая рук. Ей приходится колесить по всему штату — из дома в Денвер, где проходит подавляющее большинство мероприятий, и в Колорадо-Спрингс, чтобы уделить внимание Дональду и другим родным. Муж Рик работает инструктором в горнолыжной школе Теллурайда, у них двое детей старшего подросткового возраста. Все нынешние знакомые считают Линдси спокойной, уверенной в себе улыбчивой женщиной. За многие годы она в совершенстве научилась делать вид, что все нормально, даже когда дела обстоят ровно наоборот. Предположить, что под этим обликом таится что-то другое, какая-то неизбывная меланхолия, можно только по язвительным замечаниям, которые она изредка себе позволяет.

Дональд дожидается ее в холле первого этажа. Самому старшему из ее братьев сильно за семьдесят. Он небрежно одет в плохо проглаженную полосатую рубашку навыпуск и шорты карго. Седина на висках, подбородок с ямочкой и густые черные брови придают ему авторитетный вид, явно не соответствующий обстановке. Он мог бы сойти за персонажа гангстерского фильма, не будь его походка настолько скованной, а голос слишком тихим. «У него все еще остается чуть-чуть этого аминазинового шарканья в походке», — говорит Крисс Прадо, один из менеджеров интерната. Сейчас Дональд принимает клозапин — антипсихотический препарат «последней инстанции», одновременно и высокоэффективный, и высокорискованный с точки зрения крайне неблагоприятных побочных эффектов, вплоть до воспаления сердечной мышцы, белокровия и даже судорожных припадков. Одним из последствий долгой жизни с шизофренией является то, что с какого-то момента лекарства начинают наносить такой же ущерб, как и болезнь.

Увидев сестру, Дональд встает и направляется к выходу. Обычно Линдси приезжает, чтобы отвезти его по-

видаться с другими членами семьи. Тепло улыбнувшись, Линдси говорит, что сегодня они никуда не едут — она здесь, чтобы провести его и поговорить с врачами. Дональд отвечает легкой улыбкой и садится обратно в кресло. Кроме Линдси, навестить его не приезжает никто из родных.

На протяжении нескольких десятилетий Линдси осмысливала опыт своего детства и во многом продолжает заниматься этим до сих пор. На данный момент она уяснила главное: невзирая на сотню с лишним лет исследований, шизофрения все еще труднообъяснима. Есть целый перечень различных симптомов: галлюцинации, бредовые идеи, голоса, коматозные состояния. Существуют и языковые особенности вроде неспособности освоить простейшие образные выражения. Психиатры говорят об «ослаблении ассоциативных связей» и «дезорганизованном мышлении». Но для Линдси остается загадкой, почему в такие дни, как сегодня, Дональд бодр и даже жизнерадостен, а в другие — подавлен и требует взять его в психиатрическую клинику штата в Пуэбло, в которой он лежал больше дюжины раз за пятьдесят лет и где, как он часто говорит, ему нравится находиться. Ей остается только гадать, почему, когда его приводят в супермаркет, Дональд всегда покупает две бутылки геля для стирки *All*, радостно объявляя: «Это самое лучшее средство для души!» Или почему спустя почти пятьдесят лет он все еще декламирует то самое перечисление религиозных названий: *Бенедиктинцы, Иезуиты, Конгрегация Сестер Святейшего Сердца...* Или почему на протяжении примерно столь же долгого времени Дональд регулярно безапелляционно утверждает, что на самом деле он потомок осьминогов.

Однако, возможно, самое ужасное в шизофрении (и то, что разительно отличает ее от таких психических заболеваний, как аутизм или болезнь Альцгеймера, которые